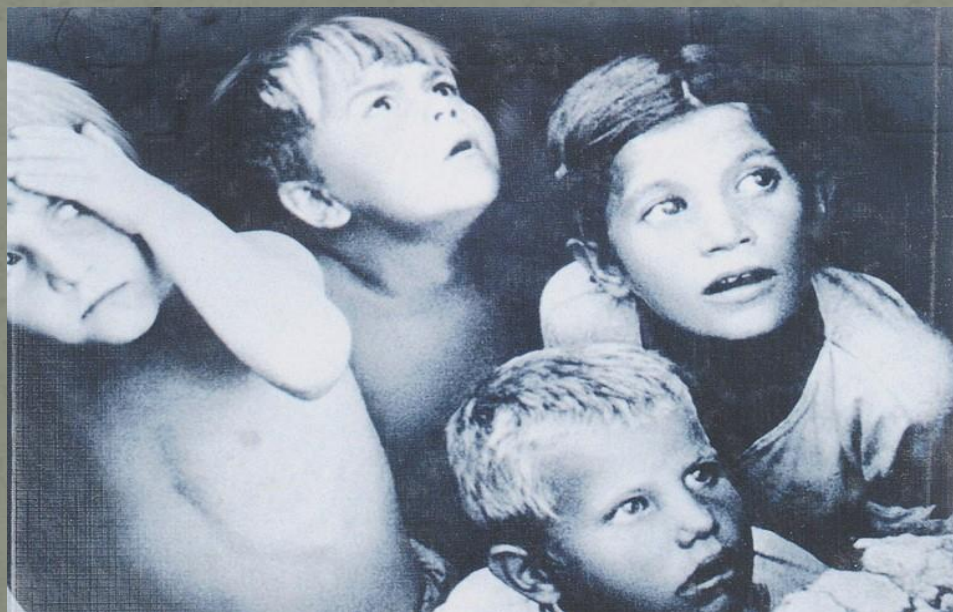

Дети войны

Цикл рассказов

Эта память,- верьте , люди, -
Всей земле нужна.
Если мы войну забудем, -
Вновь придет война!

«Бегали по ночам в бомбоубежище»

Любовь Федоровна Шаронова родилась в 1932 году в Павловской Слободе. Мать - Клавдия Федоровна – вышла замуж в голодном 1931 году и переехала в большую семью Горчилиных. Отец Любы был родом из Тамбовской области, служил в пожарной команде артиллерийского склада и остался здесь работать до конца жизни водителем.

Когда началась война, Люба окончила 1 класс. За несколько месяцев до этого умерла ее бабушка. Сначала девочка не до конца понимала, почему вокруг все плакали. «С началом войны, - вспоминала Любовь Федоровна, - в магазинах быстро раскупили все продукты, нашей семье ничего не досталось. Дома тоже не было никакого запаса. В Павловской Слободе появилось много солдат, а через село и деревянный мост через Истру потянулись беженцы, гнали скот, проходила военная техника. Все лето от бомбежек бегали по ночам в убежище». Бомбоубежищем местные жители называли большую яму, выкопанную на улице Стадион (где ныне аптека). По ночам сельчане, сидя в этой яме, где не было ни стен, ни крыши, смотрели и комментировали разыгрывающиеся в небе в свете прожекторов воздушные бои немецких бомбардировщиков и наших истребителей.

*Любовь Федоровна
Шаронова*

Александр Николаевич Гольцев,
Методист Павло-Слободского КДК

«Война и голод не щадили никого»

Мой дедушка – Михаил Васильевич Смелов – родился в 1942 году и прожил в деревне Межуйки Борского района Горьковской области. Когда началась война, отец его – Василий Егорович – работал кузнецом (ковал цепи) на заводе «Красный якорь» в городе Горький (ныне Нижний Новгород). Брат Володя и сестры Валя и Катя, которые на тот момент были совершеннолетними, устроились на тот же завод. Они подтаскивали цепи и выполняли посильную работу. Те, кто работал на заводе, получали карточки на питание, а кто жил в деревне, кормились со своего огорода. Как рассказывала мама, чтобы хоть как-то питаться, пришлось выхлопотать на двух дочек (Зоя и Фая) паспорта, чтобы они тоже смогли пойти работать на завод и получать продуктовые карточки.

Остальные дети (Коля и мой дед Миша) с весны до поздней осени помогали маме в огороде. Сажали, в основном, картошку, она и спасала круглый год. Иногда мама уходила за 20 километров в другую деревню, чтобы что-то добыть или обменять на продовольствие. Дедушка рассказывал, что оставались они одни со старшим братом Николаем, которому на тот момент было 5 лет. Мать иногда возвращалась только через пару суток, а все это время брат его кормил и заботился о нем в свои еще совсем, казалось, не смысленные годы.

Семья Смеловых. 1949 год

«Война и голод не щадили никого»

Самое голодное время было зимой. Начиная с поздней осени, бегали на поля и собирали оставшуюся гнилую картошку, делали из нее лепешки. Хлеб выпекали из лебеды, торфа и хвоща. Похлебку варили из крапивы. С дровами тоже было тяжело, рубить деревья в лесу запрещали. Приходилось ходить вдоль леса и собирать упавшие, поломанные ветки. Дома утепляли скошенной осокой, ею затыкали щели. Во время войны и долгое время после нее часть продукции в колхозах и личных хозяйствах изымалась в пользу государства.

Так как семья была большая, от завода отцу дали комнату в 14 кв. м на 9 человек. Зимой, когда работы в деревне не было, семья жила в городе. Однажды во время бомбежки (немцы пытались уничтожить завод) семья дедушки и другие семьи, проживающие в их доме, прятались в коридоре, где не было окон. К счастью, люди не пострадали, да и заводские цеха остались целы.

В 1946 году у папы родилась еще одна сестра (Лиля), теперь семья состояла из 10 человек. Я просто удивляюсь людям того времени, они создавали большие и сплоченные семьи, трудились все вместе, им жилось дружно. Но все же за время войны в семье дедушки погибло четверо детей от голода. То есть так бы было 14 человек в семье, из них 12 детей. Война и голод не щадили никого. После войны казалось, что это конец голодовке и детским мучениям. Но, к сожалению, сносно жить в деревне начали лишь с 1953 года.

Никита Мернов,

Ученик 3 класса Рождественской СОШ

«Упал и не смог идти дальше»

Родился я в 1935 году в деревне Покровское. Когда началась война, отец ушел на фронт. Бабушка с дедушкой жили в Аносине, но однажды бомба попала в трубу их дома и они вынуждены были переехать к дочери. В декабре 1941 года немцы заняли деревню. Они выгнали всех местных жителей на улицу, отобрали теплые вещи и даже детские пеленки (у мамы был грудной ребенок). Жители спасались от обстрелов и бомбежек в окопах. В одну их ночей нам пришлось уйти из деревни. Я забыла в окопе варежки, мороз был очень сильный, обморозила руки. Дошли до Красного поселка, дедушка упал и не смог идти дальше. Потом, когда немцев отогнали дальше, и снег растаял, мама нашла его и похоронила возле дома. Фашисты, отступая, сжигали деревни, и наш дом тоже сгорел.

В конце концов, захватчики всех согнали в деревне Славково в колхозную конюшню, где мы находились около 5 дней. Потом пришла Сибирская дивизия и нас освободила. В Покровском все дома были сожжены. Младенца надо было спасать и мы лесом дошли до Лобанова, где находились наши солдаты. Они обтерли малыша спиртом, завернули его в свои портянки. Свой дом мы смогли восстановить только через десять лет. В это время жили по квартирам. Потом колхоз помог построить стены нового дома, мама брала посуду и достраивала пол, крышу и все остальное. Брат выучился, работал главным управляющим, другой брат трудился в колхозе шофером, а мама – дояркой. Было, как у всех, свое хозяйство. Работы хватало. Училась я в Обушковской семилетней школе. Затем в 1958 году вышла замуж и переехала к мужу в Павловскую Слободу. Родила двоих детей. Дочка с 1959 года живет в Польше, сын – в Истре.

*Галина Ивановна
Круглова*

«Упал и не смог идти дальше»

Детская жизнь состояла не только из лишений. Дети веселились, играли: и в лапту и в городки. Часто бегали в лес собирать землянику, орехи, малину, грибы. Не унывали, народ был очень дружный. Жили плохо, но одинаково плохо. Не было почвы для зависти. Даже мой сосед – председатель колхоза Тимофей Иванович Барышев – был хоть и богаче, но вел себя скромно, его семья мало от нас отличалась. Знались и дружили со всеми родственниками, даже дальними. Перед войной вблизи деревни находилась войсковая часть. У нас была корова и другая живность, и мама давала военным продукты – молоко, творог. В благодарность за это они нам выкопали большой погреб для продуктов. Когда мы весной вернулись домой после отступления фашистов, погреб оказался не разграбленным. Это и помогло нам выжить в тяжелые годы. Руки мои были отморожены, уже начали гнить. И мы ездили к тете в село Алексеевское (возле Рижского вокзала) лечить их.

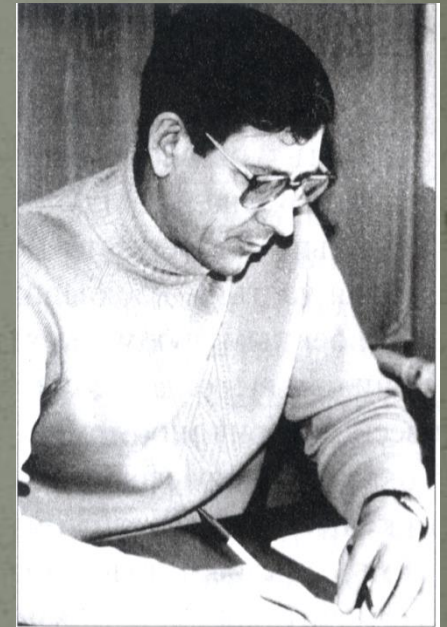
Галина Ивановна Круглова,
Жительница села Павловская Слобода
Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев

«Огуречный вкус камыша»

Я родился в Москве. Отец – Федор Лукьянович – работал инструментальщиком на заводе имени Сталина (после его переименовали в завод имени Лихачева – ЗИЛ). Началась война, завод эвакуировали на Урал. Отец неоднократно писал заявления, чтобы его отправили на фронт: хотел отомстить за деда Лукьяна Васильевича, погибшего в первую мировую войну. Но его как высококлассного специалиста, оставили на заводе, к него в подчинении были плененные и заключенные. Мама – Наталья Ивановна – каждый день, провожая отца на работу, молилась, чтобы он живой и невредимый вернулся домой.

В 1947 году переехали в Нахабино. Хорошо помню постоянное полуголодное состояние. На ведро воды мама сыпала стакан овсянки – это был суп. Хлеб, как сейчас, на помойке не валялся. Нас было пятеро детей. Мать умудрялась без всяких весов поделить между нами ту часть хлеба, которая была предназначена на обед с такой точностью, что можно было этими кусочками проверять аптекарские весы. Потом она нам по маленькому кусочками добавляла. Мы позже узнали, что она нам свою долю отдавала. И никогда, наверное, невозможно до конца оценить заботу и любовь матери к детям. Часто утром рано мы все, ребята со двора, бежали в магазин еще задолго до открытия занимать очередь за хлебом. А какой был запах этого хлеба!

Хуже, ощущался голод зимой. Летом же было проще: разная трава, грибы, ягоды. Ранней весной, мы любили ходить на болото. Ах, этот огуречный вкус камыша: вытащить камыш с корнями, откусишь белую сочную его часть, по вкусу и запаху ничуть не отличишь от огурца. Ели щавель, стебли белопетущей травы, которую мы называли «тютюшкой». Еще горчица входила в наш рацион, эта трава растет на лугах и в раннем возрасте очень вкусная.

*Вячеслав Федорович
Кашлев*

Огуречный вкус камыша

Жили в заводском бараке, рядом были еще два. И в каждом доме семей по десять, в каждой семье дети, да не по одному. О бараках особо надо сказать. Это каркасная конструкция, обшитая досками изнутри и снаружи, а между ними засыпан шлак с опилками, которые наполовину высыпались. Зимой, прежде чем лечь спать, соскребали изнутри иней (снег), и так каждый день. А весной в половодье, вода затопляла пол в коридоре. Там прокладывали кирпичи, и на них доски, чтобы пройти до комнаты. В комнате полы были подняты и настелены вторые, но под полом тоже стояла вода.

Все равно мы, дети, находили во всем радость. Летом часто ходили в лес. Сейчас в этом лесу дачи – между Исаково и Нахабино. Любили кататься на березах в лесу: несколько человек наклоняли березку молодую, но уже крепкую. Потом один цеплялся за макушку, остальные ее отпускали. И ты взмывал вверх! Бывало, иногда и падали. Помню однажды Толя, который был на три года старше нас, восьмилеток, полненький мальчик, ухватился за макушку, мы отпустили, она немного выпрямилась и обломилась, а он подвернул ногу. И нам пришлось тащить его до дома, а это километра три.

В этом же лесу играли на немецких танках: там стояли три подбитых «Тигра» с разбитыми гусеницами и поломанным всем, что можно было сломать. Вскоре их забрали, мы стали искать себе новое развлечение. Играли в футбол, в лапту, катали крюками колеса, делали самокаты. Зимой ходили на стоящую в лесу на поляне вышку. На ней было четыре площадки: первая метрах в десяти от земли, и с нее мы прыгали в снег, его тогда зимой много было. В снег уходили больше, чем по грудь. Первый раз было, конечно, страшно. Но друг перед другом не хотелось выглядеть трусом, прыгали все.

Огуречный вкус камыша

Тогда дороги не посыпали песком, а машинам просто надевали на колеса цепи. И мы по дороге катались на санках, на коньках и «дрынках» – это согнутое из трубы или толстого прутка приспособление с двумя полозьями и ручкой для рук. Во дворе у нас была одна пара коньков, «снегурки», так мы их наворачивали на валенки. И только по одному коньку чтобы больше ребят покаталось. Лыжи были в школе, так что на физкультуре ходили на казенных лыжах. Свои были мало у кого, да и на тех катались по очереди, в основном с горок. На месте ныне существующей улицы Парковой в Нахабине был большой карьер, там и катались с горы.

С весны, как только сойдет снег, и до осени бегали босиком. Любили после дождя бегать по лугам. Как у всех ребят, были и драки у нас. Но в них неукоснительно соблюдались неписанные законы: семеро одного не бьют, лежачего не бьют, драка только до первой крови. Нарушившие эти каноны, могли быть наказаны своими же товарищами.

В конце улицы Панфилова стояла войсковая часть. Туда ходили в кино. Командование не разрешало, но солдаты нас пускали, и мы размещались на сцене, за экраном. Фильм крутили по частям. Когда заканчивалась часть, включали свет, перематывали пленку, а мы как тараканы расползались по тайным углам, чтобы нас не увидели и не выгнали. Клуб был на втором этаже, там же библиотека, на первом – тот самый магазин, куда ходили за хлебом. Библиотекаря, приятную старушку, звали Ольга. Так вот она, прежде чем поменять книгу, спрашивала нас, о чем мы прочитали, что нам понравилось. Тогда это нам не очень нравилось, но сейчас осознаю какую пользу на приносило ее занудство.

«Огуречный вкус камыша»

Однажды мы собирались в кино. Билет стоил один рубль, но даже его у мамы не оказалось. И я, расстроившись, еле шел по тропинке, сшибая ногами пушистые одуванчики. И вдруг, на мгновение, я подумал, что сплю: передо мной, немного присыпанная песком, лежала пятирублевая синяя купюра. В тот момент моя душа, наверное, вылетела из расслабленного тела, и какое-то время кружилась вокруг моей головы. Я посмотрел кино, купил стакан семечек за рубль и еще три рубля принес маме. Мне казалось, я был тогда самым счастливым на свете.

Был в моем детстве и другой случай. В восемь лет я заболел скарлатиной. Положили меня в Боткинскую больницу в Москве, мама меня навещала. Болезнь протекала тяжело, с высокой температурой. В то время меня посещала мысль: «Вот умру, а они будут без меня вареную картошку есть». Мама приходила почти каждый день. В здание не пускали (карантин) мы общались через окно. В один из дней меня перевели в коридор. Мама приехала, подошла к окну, а меня там нет. Она походила, походила и поехала домой. И когда она подходила уже к выходу с территории, я ее увидел. Это был второй раз, когда моя душа меня покидала. В этот раз в другом направлении: обида раздирала меня изнутри.

Я прожил трудовую насыщенную жизнь: 15 лет отдал работе в Нахабинском НИИ имени Д. М. Карбышева, в 1974 году переехал в Павловскую Слободу и 29 лет работал в местной войсковой части № 67714, а затем – начальником сельского пенсионного отдела. Неоднократно избирался депутатом в Совет депутатов сельского поселения и Истринского района.

Вячеслав Федорович Кашлев, житель села Павлоская Слобода

Воспоминания записала Ольга Николаевна Маркус

«Бомбы летят!»

Я родилась в 1933 году. Врезался в память первый день, когда по радио объявили о начале войны. Сразу же начались бомбардировки, а жители даже не знали, что делать при налете вражеской авиации. Коров пригнали на дневную дойку, вдруг кричат: «Бомбы летят! Бомбы летят! Налеты были часто, в нашей деревне Лобаново разбомбили три дома. Потом люди начали рыть убежища в огородах. И наш отец устроил добротную землянку, мы в ней так и спали, чтобы ночью не бегать во время налетов. Однажды ночью показалось, что-то падает сверху на меня. Мама сказала, что это стручки гороха. Маленького ребенка слова матери успокоили, а утром оказалось – лягушки!

С началом войны в жизни каждого жителя деревни произошли большие изменения. Отец работал председателем колхоза в деревне Черная, а через несколько месяцев ушел в партизанский отряд. Пока немцы не дошли до Зеленкова, жили не плохо. Держали крепкое хозяйство: была корова, собрали урожай картошки с 40 соток, голода не чувствовали. Когда немцы оккупировали Рождествено, пришел офицер и попросил уходить, предполагалось сжечь дома. Мужчины непризывного возраста, которым раздали колхозных лошадей, помогали жителям деревни эвакуироваться. Мы уехали в Новоникольское возле Опалихи. Когда вернулись, оказалось, что деревню не сожгли, в домах жили военные. Солдат было много, спали на полу. В доме ничего не пропало, да и брать было нечего. В Зеленкове была мельница, помню, как мама ходила туда молоть зерно.

*Раиса Николаевна
Постнова*

«Бомбы летят!»

Постоянные сельскохозяйственные работы в какой-то степени помогали выжить в голодные годы. Бывало, пропалываешь на колхозном поле морковь, она маленькая, с мизинчик. Оботрешь землю и грызешь украдкой. А ведь еще свой скот и огород дома. Зимой дети на колхозные работы не привлекались, но хватало ухода за домашней скотиной. Была еще одна зимняя работа – протопить печку. Дров не было, в лес ходить за дровами запрещали: лесник строго следил. В Павловской Слободе был даже суд, где судили за срубленные деревья. Голодно было в неурожайном 1946 году. Колхозникам продовольственных карточек не давали, они были лишь у тех, кто работал на артиллерийской базе.

Когда наступил День победы, все радовались, хотя тяжело было тем, у кого погибли родственники. Все, у кого были красные сарафаны, или другая красная одежда, наволочки, прикрепляли на палки и вывешивали на дома. В то время Лобаново было довольно большой деревней. Большинство жителей входили в колхоз «Прогресс». Жизнь колхозника состояла не только из тяжелых будней и битвы за урожай, случались и праздники. После отъезда в Москву одного из «крепких хозяев» остался большой дом, который приспособили для проведения праздничных мероприятий. Называли это «Колхозный вечер»: хороводы, песни и главная «вкусность» – частушки, где узнавали и себя. С детства прививалась привычка к стихотворчеству. Наш председатель колхоза – Аграфена Васильевна Антонычева – была среди женщин самой заводной.

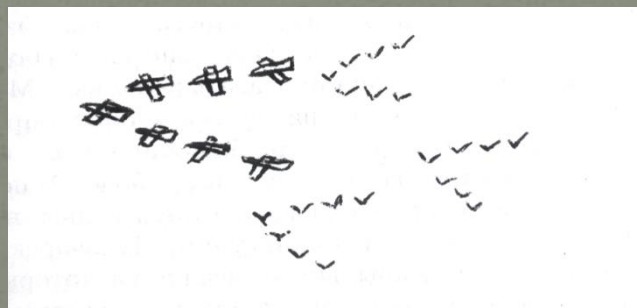

«Бомбы летят!»

В трудные послевоенные годы душили налогами. Мало чего давали на трудодень, а тут еще надо сдавать налоги. Корову держишь – 220 литров молока сдай государству! То же с мясом, шерстью и прочими продуктами животноводства. Отовсюду с близлежащих деревень дети несли в бидончиках молоко, чтобы сдать в Павловской Слободе на молокозавод.

Однажды отправила мама меня сдавать молоко, в бидончик налила, крышку привязала. Я себя плохо чувствовала и не хотела идти, но мама настояла. В районе лешковской горы я почему-то решила, что бидон может сам докатиться вниз и отпустила его. Что случилось, можно себе представить. Думалось, что дома меня ждут честно заработанные вожжи, но добрая мама простила плачущую дочь, выслушав рассказ, как она споткнулась, плохо привязанная крышка отскочила, молоко и пролилось.

Закончились тяжелые годы. Я окончила техникум и с полученным дипломом стала работать сначала в Покровском в колхозном Доме быта, а затем в Павловской Слободе в ателье, которое принадлежало Военторгу. Ателье располагалось в здании церкви, а когда ее начали восстанавливать – в двухэтажном здании рядом с церковью (теперь там воскресная школа).

«Слышались крики и стоны из-под земли»

Родилась я 27 мая 1941 года в Калужской области в Жиздринском районе, недалеко от границы Орловской и Брянской областей. Местность относилась то к Орловской, то к Брянской области, ныне – Калужская область. Немцы оккупировали эту территорию в 1941 году. Мы жили в хуторах, которые были раскиданы по знаменитым брянским лесам. Отец ушел на фронт, с нами осталась мама, слабый здоровьем дедушка и бабушка. Комендатура фашистов была в селе в трех километрах, остальные фашисты разместились по хуторам.

В нашем доме жили двое детей, мама, бабушка, дедушка, два немца и два наших военнопленных, которые очень хорошо себя чувствовали при немцах. Те немца, что с нами жили, не зверствовали, не обижали детей, но когда надо было топить печь – нас не спрашивали. Кур и свиней брали, не стесняясь. Мама говорила, что ей один раз немец разбил лицо, когда она не поняла, что он ей приказывал. В брянских лесах действовали партизаны, и однажды кто-то убил немецкого пастуха. Ждали от фашистов «возмездия», но все обошлось. Говорили, что расправились свои. Местное население заставляли работать: валить лес, таскать бревна, настилать бревна – ведь кругом бездорожье. Колхоз сразу развалили. А до войны в колхозе жили очень хорошо: на трудодни даже мед выдавали.

*Вера Федоровна
Смирнова*

«Слышались крики и стоны из-под земли»

Немцы в нашем хуторе неплохо относились к детям. Садись пить чай, подзывали нас, давали конфеты. Один из них говорил, что у него самого двое детей, не хотел он воевать, но заставили. В августе 1943 года без предупреждения население стали сгонять в соседнюю деревню, где жила папина старшая сестра. Ничего не успели взять. В десяти километрах проходила Киевская железная дорога, погнали через нее, а там и мамина родная деревня. Чуть дальше в лесу увидели всю свою родню. Просидели там два или три дня. Мама рассказывала, что их заставили охранять железную дорогу. За десять километров ходила. Каждому отводили сто метров, и ты жизнью отвечал за сохранность этого участка.

Удалось ненадолго скрыться в лесу, но потом немцы поймали и вернули. До железнодорожного узла Бежицы пришлось идти 70 километров, а там погрузили в эшелоны и повезли в направлении Смоленска. Ехал в закрытых товарных вагонах, ничего не видели и не слышали. Проехали Барановичи и остановились, наконец, в лесу. Как позднее узнали, на границе Белоруссии с Польшей. Этот пересыльный лагерь представлял собой пустое огороженное колючей проволокой поле, на котором ничего не было. Пока довезли, был уже сентябрь. В лагерь постоянно привозили людей, не было где укрыться, почти не кормили, бродили по территории, выискивали объедки, картофельные очистки. Начались морозы, из всех вещей было небольшое одеяло и папин пиджак. Я уже перестала вставать на ноги и ходить, хотя шел уже третий год, не открывала глаза.

«Слышались крики и стоны из-под земли»

Из этого лагеря формировали группы и отправляли в другие лагеря. Пробыв мы в этом пересыльном пункте мы несколько месяцев до больших холодов, потом нас отправили в Минск. Группу узников, в которую попала наша семья, знакомые и родственники из соседней деревни, видимо, представляли интерес, в качестве рабочих рук, отправляли по железной дороге на восток. Та же колючая проволока, вышки с автоматчиками, но уже бараки с нарами. Мама со мной была отправлена в лазарет. На вторые сутки умер дедушка, его похоронили на кладбище в Минске.

Концлагерь был почти в центре Минска, а рядом с ним располагалась электростанция, на которой и заставляли работать узников – таскать вагонетки с углем. Очень тяжелая работа, работали посменно – ночь, день. Давали паек, более или менее кормили. Иногда получали пропуск выйти в город, а дети оставались в заложниках. Должен был вернуться в оговоренное время, иначе грозили расстрелять семью. Ходили в город, чтобы на улицах просить милостыню. Встречала мама много разных людей и хорошо отзывалась о белорусском народе. Попавшаяся на улице одна женщина рассказала о своей снохе-еврейке: «Их собрали прямо в городе, выкопали яму и сбросили вниз, а потом забросали землей. Не стали даже расстреливать. Я стояла долго и смотрела, как земля шевелится, слышались крики и стоны из-под земли».

Вера Федоровна Смирнова, жительница села Павловская Слобода

Воспоминания записал Александр Николаевич Гольцев

*Выставка подготовлена
с использованием материалов Сергея Юрьевича
Мамаева, Александра Гольцева, Егора Комолова.*

*С Уважением,
Архивный отдел управления делами администрации г. о. Истра*